

Генхарт Вернер

Места правосудия: судебная архитектура между сакральными и профанными строениями*

В одной скромной книжечке Якоб Гримм рассказал о «поэзии в праве» и отметил значение культурного содержания правовых форм. Вот что можно там прочитать: «Совершенно неверны представления, согласно которым такие символы – лишь пустая выдумка на потребу форме и торжественному характеру судов. Напротив, каждый из этих символов обязательно имеет темное, священное и историческое значение, без которого не было бы ни общей веры в них, ни их традиционной понятности»¹.

Во всяком случае, социология права утратила понимание этого «темного, священного и исторического значения». Это еще как-то объяснимо применительно к генезису социологии, которая формировалась в большой мере именно как «социология права», и для нее было важно прежде всего обозначить свое отличие от других наук о культуре, не в последнюю очередь – от истории права.

Однако это дело прошлое, и социологии как дисциплине уже не свойственны обычные страхи поиска идентичности – боязнь прикоснуться к другому. Развитие социологической теории далеко ушло от своего юридического истока, причем из виду были упущены как раз те измерения права, которые особенно важны с культур-социологической точки зрения. Это мы обрисовали в первой части нашего исследования, поэтапно акцентируя культурные аспекты права.

Далее я хочу сконцентрироваться на «местах правосудия» и надеюсь, что наш «взгляд» уже несколько лучше настроен на понимание культур-социологии. Как писал Георг Зиммель в письме соратнику Эмиля Дюркгейма Селестену Бугле по поводу студентов-социологов, «конечно, очень сложно воспитать у студентов *социологический взгляд*, который все подмечает и который различает в отдельных социальных явлениях социальную форму и материальное содержание. Но сформировав этот взгляд, можно будет без особого труда находить социологические факты»².

Архитектура судов не является в прямом смысле слова классической темой социологии права или культур-социологии, да и в целом «архитектура модерна» находится в ведении архитекторов и историков искусства. Конечно, мы знаем, что социология заявляет имперские притязания, и можно было бы считать еще одной попыткой перейти границы дисциплины постулируемую здесь возможность рассматривать судебную архитектуру с точки зрения социологии права, если бы не существовало особых проблем, в решении которых может оказать помощь социология.

Сначала я бы хотел пояснить, какие вопросы касаются комплекса судебных строений и в чем состоит возможный объяснительный вклад социологии, в первую очередь культур-социологического подхода (I). Затем я попытаюсь показать значение «правовой культуры в камне» на примере судебных построек XIX в., прежде всего построек времен Вильгельма, и национал-социалистической судебной архитектуры (II). В заключение я коснусь функции

---

* *Gephart Werner. Orte der Gerechtigkeit: Gerichtsarchitektur zwischen Sakral- und Profanbau* (глава 3 книги *Право как культура: к культурно-социологическому анализу права – Recht als Kultur: Zur kultursoziologischen Analyse des Rechts*, Frankfurt am Main, 2006, 323 S., S. 237-253)

© Гиряева В., 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

¹ *Grimm Jacob. Von der Poesie im Recht // Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft* 2, 1816, S. 25-99; wieder abgedr. Darmstadt, 1963

² Письмо от 22.11.1896. Архив Селестена Бугле. Национальная библиотека, Париж (Brief vom 22.11.1896, Nachlass Célestin Bouglé, Bibliothèque Nationale, Paris)

удивительного постоянства (несмотря на позитивность права, ориентированного на изменения) судебных построек (III).

I. Судебные постройки как объект социологического наблюдения

«Построенное здание, – написано в заслуживающем внимания труде Лампуньяни «Архитектура как культура», – есть в первую очередь объект потребления. Чтобы функционировать как вещь, оно сделано из определенных материалов, по определенным конструкции и согласно связанным с его использованием определенным правилам»³.

Умберто Эко⁴ отмечал первичность этой функции строения. Для зданий судов функция использования проистекает из действующего *судопроизводства*, которое диктует соблюдение архитектурных правил при строительстве здания. Так, согласно принципу «публичности» слушания, необходимо, чтобы в помещении обязательно были места для публики. В концепции помещения должно учитываться количество судей. Задачи, стоящие перед персоналом судов в широком смысле слова, предполагают и определенные требования к постройкам, в зависимости от того, намерен ли суд, например, быть самоуправляемым или нет.

При этом, конечно, мы подразумеваем, что «суд» вычленен из всех иных публичных строений, что уже произошла функциональная спецификация и выделение судопроизводства из числа иных публичных задач⁵. Это, конечно, совсем не само собой разумеющийся шаг в развитии права, а в большей степени элемент развитой правовой системы.

Архитектурное сооружение «суд» можно изучать с точки зрения различных правил, подразделяющихся на три системы: (1) правила судопроизводства, (2) их преобразования в технические правила возведения строений, а также (3) более абстрактные правила, которые определяют характер правовой системы.

Не будем излишне усложнять материал. Необходимо только иметь в виду, что технические правила третьей ступени должны соответствовать определенной части правовой системы, то есть они не должны противоречить правилам, регулирующим правомерное возведение строений, например, строительному праву.

Если мы теперь зададимся вопросом, могут ли судебные строения в принципе быть объектом социологического наблюдения, ответ не заставит себя долго ждать. Если определять предмет социологии, опираясь на учение о «fait social»⁶, то здания суда, без сомнения, относятся к области социологического исследования, а именно, к определяемой правилами материальной культуре общества, которую Дюркгейм характеризует при помощи понятия социальной морфологии: экстериорность, принуждение и универсальность. Это определяющие признаки *fait sociaux*^{**}, а список данных признаков – как показано в другом тексте – воспроизводит нормативную конструкцию социальной жизни в теории Эмиля Дюркгейма⁷. То, что у Дюркгейма не идет речь о социологии архитектуры или тем более о социологии зданий правосудия, не имеет ничего общего с «*découpage de l'objet sociologique*»^{***}.

Вернемся к произведениям строительства. Они, согласно Лампуньяни, не исчерпываются чистой функциональностью. Такое произведение «представляет собой нечто

³ Lampugnani Vittorio Magnago. Architektur als Kultur. Köln, 1986. S. 46

⁴ См.: Eco Umberto. La struttura assente. Introduzione alla ricerca seminologica. Bompiani/Mailand, 1968

⁵ В то время когда Бранденбургский суд был построен как «пристройка» Берлинского дворца, отделение от личного судопроизводства главы земли еще не произошло даже символически.

* Социальном факте (фр.). – Прим. ред.

⁶ См.: Durkheim Emile. Les règles de la méthode sociologique // Revue philosophique № 37. 1894

** Социальных фактов (фр.). – Прим. ред.

⁷ См.: Gephart Werner. Gesellschaftstheorie und Recht. Das Recht im soziologischen Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main, 1993. Часть 2, глава 2, S. 321-418

*** Вычлениением социологического объекта (фр.). «Вычленение» (собственно, вырезывание, выкраивание) – термин структуралистской социологии, идущий от Л. Гольдмана. – Прим. ред.

большее: оно есть произведение искусства, или, точнее говоря, должно им быть. Оно дает интерпретацию духовной позиции индивида внутри общества, отражает противоречия его времени и несет коммуникативную, эстетическую нагрузку»⁸.

Не стоит обсуждать, считать ли это определение вторичной функции, как называет ее Умберто Эко, только достаточно непротиворечивым или же убедительным. В любом случае «значение» строения выходит за рамки обычного исполнения функций, когда оно понимается как материальная основа символической отсылки, указывающей на нечто иное, чем простое функциональное использование.

Из личной переписки Макса Вебера в период подготовки им работы о протестантизме видно, какое впечатление произвели на него протестантские церковные строения в Нидерландах. Так, в письме от 13-го июня 1903 г. он писал из Шевенингена: «... Большие католические соборы совершенно не подходили для целей проповеди, в особенности северной, обходившейся без нищенствующих монахов». И далее: «Для реформированного протестантизма маленькая светлая деревенская церковь – идеальная форма церкви...»⁹.

Таким образом, архитектуру можно однозначно рассматривать в духе понимающей социологии, толкующей архитектурное сооружение как результат социальных действий различных акторов. Смысл этих действий заключается как в субъективном и понятном, благодаря реконструкции правил, содержания, так и во включении в сферу объективной культуры.

Так, можно задаться вопросом, насколько в судебных строениях находит свое отражение «дух» западной, римской или французской правовой культуры, точно так же как насколько судебные строения, в свою очередь, могут быть основополагающей составной частью правовой культуры. Если снова воспользоваться дефиницией Лампуньяни, то судебные строения могут быть истолкованы и как *интерпретация* общественной функции, «духовной позиции ... внутри общества». Это можно понимать по-разному. Но прежде всего очень важно, что подобная *интерпретативная* функция строения связана с его *эстетической функцией*.

Однако если рассматривать судебные здания не только с точки зрения ценности их функционального использования, но и как эстетическую ценность, то суд можно характеризовать как «*r phenom ne totale*»^{*} в смысле Марселя Мосса.

Независимо от ответа на поставленный Луманом вопрос о возможности полного кодирования искусства¹⁰, для понимания архитектуры как «культурного содержания»¹¹ необходимо ознакомиться с эстетическими – в данном случае архитектурными – теориями практического-нормативного характера о прекрасном строении.

Немецкая душа противится мысли о правовой и даже «судебной эстетике», так же, как противится она возможности «экономической эстетики». Я уже отмечал в другом месте¹², что это связано с проблематичными отношениями религиозной этики и эстетики в климате протестантизма.

В любом случае, помимо чистой функциональности, существует и смысловая составляющая строения, связанная с элементами общей мировой культуры, включая эстетическую, а также действующую правовую культуру.

⁸ *Lampugnani Vittorio Magnago*. Architektur als Kultur. K ln, 1986. S. 46.

⁹ Письмо от 13-го июня 1903 года (Фонд Макс Вебер – Шеффер, депонировано BSB Мюнхен, Ана 446)

^{*} Тотальный феномен (фр.). – *Прим. ред.*

¹⁰ См.: *Luhmann Niklas*. Die Kunst der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1995.

¹¹ О возможности социологии культурных содержаний Вебер говорит в письме от 30 декабря 1913 года к издателю Паулю Зибеку: «Я надеюсь *позднее* предоставить Вам однажды социологию *содержаний культуры* (искусства, литературы, мировоззрений)...» (Max Weber. Briefe 1913-1914. Hrsg. von M.Reiner Lepsius und Wolfgang J. Mommsen, MWG II/8, a.a.O., S. 450)

¹² *Gephart Werner*. Von der «Unternehmensethik» zur «Unternehmens sthetik». Einige Konsequenzen der kunstsoziologischen Fragestellung Max Webers // Horst Albach (Hrsg.). Unternehmensethik, ZfB-Erg nzungsheft I. 1992. S. 51-74.

II. К значению правовой культуры в камне

Каких результатов здесь можно добиться?

Прежде всего можно, например, найти изменения порядка судопроизводства в планах и чертежах судебных строений.

Здание старого суда на Аппельхофплатц в Кельне демонстрирует влияние французского судебного права с его подчеркнутой устностью и публичностью, в то время как после принятия Закона о государственной юстиции от 1 октября 1879 года множество процессуальных изменений и дополнительных задач в области добровольной юрисдикции потребовали решительных строительных мероприятий.

В противоположность простому зданию в стиле классицизма, возведенному городским инженером-строителем Йоханном Петером Вейером, было не только создано дополнительное помещение (расширена первичная функция). Само строение стало также носителем измененного значения самосознания юстиции.

Богато украшенный фронтон и боковые башни сооружены для представления государственной власти.

Критики изначально сделанного Вейером проекта судебного здания на Аппельхофплатц говорят, что это, скорее, дворец юстиции, чем служебное здание. Правительственный инженер-строитель Пауль Темер, спроектировавший расширение здания, добавляет: «Лестничные пролеты были сделаны помпезно, из таких материалов, как шведский и шлезвигский гранит, бельгийский известняк и большое количество штукатурки»¹³.

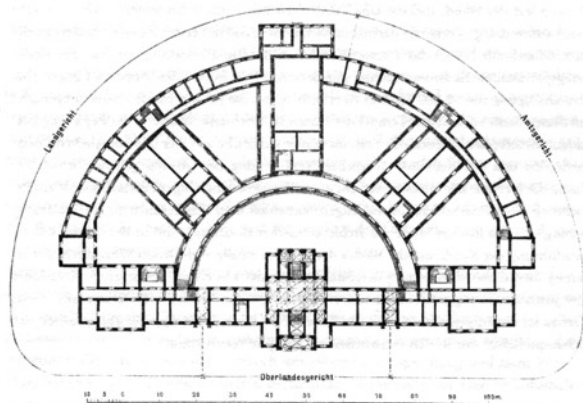

Иллюстрация 1. Вид старого Аппельхофа (построен в 1824-1826 по планам Й.П. Вейера)

Оценка современника – видного королевского инженера-строителя Мённиха была совершенно другой. На 21 съезде германских юристов он говорил: «Создатели внутренней архитектуры законченного строения во всем стремились к достойной, но ни в коем случае не напоминающей о роскоши обстановке. Те помещения, где особенно многолюдно, в основном лестничные пролеты и коридоры, выполнены, насколько это отвечает практическим нуждам, из высококачественных материалов»¹⁴. И хотя непонятно, какие это должны были быть «практические» нужды, зато документировано неподдельно искреннее намерение оставить «впечатление»: «Везде, даже в помещениях, где ведется делопроизводство, массивные своды, которые сделаны так, что длинные проходы из-за ритмического деления крыши производят впечатление залов».

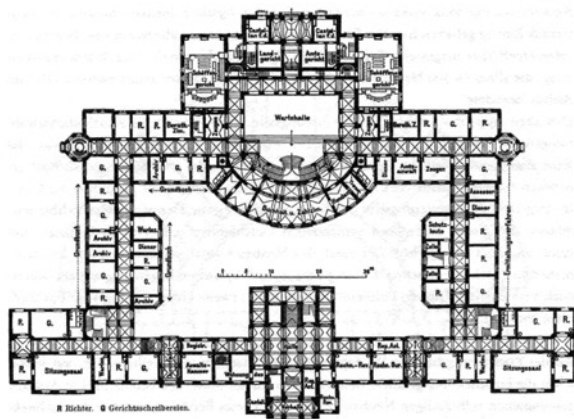
¹³ Ploenes Franzjosef. Justiz ohne Raum // Justitia Coloniensis. Landgericht und Amtsgericht Köln erzählen ihre Geschichte(n) / Hrsg. von Adolf Klein und Günter Rennen/ Köln, 1981. S. 307-324, S. 317.

¹⁴ Mönlich Rudolf. Das neue Justizgebäude in Köln // XXI. Deutscher Juristentag. Köln, 1981. S. 61-74, S. 70.

Иллюстрация 2. План (первого этажа) здания суда Аппельхофплатц после расширения. Внизу – новое здание, построенное в 1884-1887; полукругом сверху – какое-то время еще использованные части вейеровского Аппельхофа (снесены в 1888).

Королевский инженер-строитель сетует на скудность финансовых средств, выделенных для целей представительства. Так, эффект монументальности был достигнут на аскетический манер: «Притягательная сила архитектурного сооружения, согласно Мённиху, состоит в группировке массы, в разнообразии форм крыши и в возведении мощного фронтона»¹⁵.

Иллюстрация 3. Здание суда Аппельхофплатц (первый этаж), законченный в 1893 году и сохранившийся до сих пор. Сделано по планам Темера и Мённиха

Однако здесь мы уже подходим к границе того, что можно интерпретировать или проверить. Что все-таки «репрезентировано» с помощью такого вида репрезентации? Петер Ландау считает, что здесь можно обнаружить «чувство собственного достоинства буржуа», «которое находило свое отражение скорее в монументальных строениях юстиции, чем в административных зданиях, так как юстиция в большей степени, чем

¹⁵ Mönlich Rudolf. Das neue Justizgebäude in Köln // XXI. Deutscher Juristentag. Köln, 1981. S. 61-74, S. 72.

исполнительная власть была персонально оккупирована буржуа»¹⁶. Такие объяснения лежат в фарватере принципиальных заблуждений относительно задач социологии искусства, которая должна якобы искать, как именно отражается одно только *положение классов*. Конечно, синдром культуры времен Вильгельма нельзя рассматривать независимо от классовых интересов. Но что подразумевается под «культурой времен Вильгельма», точнее, под «архитектурой времен Вильгельма»? Юлиус Позенер характеризовал ее следующим образом: «Это архитектура с желанием козырнуть, архитектура, которая больше всего подходит сущности кайзера и соответствует настроению «Германия впереди всей планеты...»¹⁷. Но как же материализуется дух Вильгельма? Позенер снова дает соответствующую характеристику: «... Мы не можем эту (Вильгельма – *В.Г.*) позу характеризовать точнее, чем через такие признаки, как большие измерения, монументальные позы, большие помещения, дорогие материалы...»¹⁸.

Иллюстрация 4. Строения, расширяющие старый Аппельхоф (возведены в 1884-1887 по планам Темера)

В противоположность этому виду хвастливой архитектуры, которую можно связать с тем, что Вольфганг Й. Моммзен назвал «авторитарным национальным государством»¹⁹, созданный Рудольфом Мённихом Уголовный суд Моабит производит более утонченное впечатление.

Архитектурным центром являются лестницы, которые как самостоятельная скульптура напоминают о виртуозности наумановских лестничных конструкций и расположены в неоготическом колонном зале. С каждым шагом открываются новые виды и сквозные виды на лабиринт лестниц, которые находят параллели в других берлинских судебных постройках, суде первой инстанции Веддинга и суде первой инстанции Шенеберга.

Позенер усматривает в этом сооружении «скрытый экспрессионизм», переступивший через банальный пафос вильгельмианской монументальной

¹⁶ Landau Peter. Reichjustizgesetze und Justizpaläste // Ekkehard Mai u.a. (Hrsg.). Kunstpolitik und Kunstförderung im Kaiserreich. Kunst im Wandel der Sozial und Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1982. S. 197-223.

¹⁷ Posener Julius. Berlin auf dem Weg zu einer neuen Architektur. Das Zeitalter Wilhelm II. München, 1979. S. 81.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Mommsen Wolfgang J. Der autoritäre Nationalstaat. Verfassung, Gesellschaft und Kultur im deutschen Kaiserreich. Frankfurt am Main, 1990.

архитектуры. Однако, согласно Позенеру, ее «символическое значение» укрывается «от современного наблюдателя»²⁰.

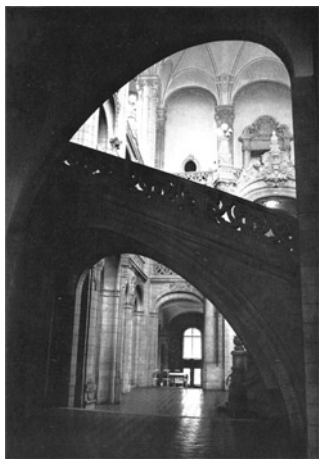
Иллюстрация 5. Уголовный суд Моабит, лестничный пролет

Конструкция из лестниц с нагромождением углов и поворотов противостоит импозантности простой, устремленной ввысь массивной лестницы, такой, как в вестибюле здания юстиции на площади Райхеншпрегер в Кельне.

Должно ли пространство, организованное как лабиринт с бесчисленными углами и поворотами, которые функционально никак не оправданны, создавать таинственный образ права с его извилистыми путями и «уловками»? Напрашивается параллель с лестницами в световых дворах универмагов. Эти лестницы используются не просто для того, чтобы по ним перемещали товары, они символизируют циркуляцию товаров. Итак, считать это лишь стилистическим элементом, который применяется в различных функциональных помещениях исключительно в *декоративных целях*, или же сияющая аура квазисакральных строений символически сгущается на лестничных конструкциях как в универмагах, так и зданиях судов?²¹

²⁰ Posener Julius. Berlin auf dem Weg zu einer neuen Architektur. Das Zeitalter Wilhelm II. München, 1979. S. 87.

²¹ Я не хочу здесь касаться специфического качества монументальности судебной архитектуры по сравнению с бассейнами, зоопарками, вокзалами и музеями в Кайзеровской империи.

Иллюстрация 6. Уголовный суд Моабит, лестничный пролет

Иллюстрация 7. Уголовный суд Моабит, лестничный пролет

В литературоведении, преодолев чистую рецептивную социологию и рецептивную историю, получил распространение подход, называемый «рецептивная эстетика»²². В этом смысле возможно и другое прочтение сооружений в Уголовном суде Моабит, удачно названных Позенером «скульптурами из лестниц». Когда праздновалось возложение «символов государственной власти» на мантии судей²³, лестница стала местом расположения «судейского фронта», который был снят фотографом как в высшей степени симметричное произведение на фоне неподвижной перспективы, состоящей из судей и обязательного флага со свастикой.

Здесь речь идет не только о видимом «объективном» качестве помещения, но и о «перспективе», которую открывает помещение субъективному наблюдателю.

Известно, что национал-социализм придавал особое значение грандиозным строениям. Это зашло так далеко, что метафору постройки стали употреблять для обозначения отличительной черты «немецкого права». В одном из инструктивных писем Франка^{**} читаем следующее: «Право национал-социалистического государства должно... быть выражением

²² *Jauss Hans Robert. Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. Frankfurt am Main, 1982.*

²³ Символический аспект права в национал-социализме был подробнее рассмотрен мною в: *The Totalitarian Use of Symbols in the Nazis' Perversion of the Law (ISA-Kongress, Madrid, 1990).*

* Это следует понимать, например, по аналогии с нацистским «трудовым фронтом». – *Прим. ред.*

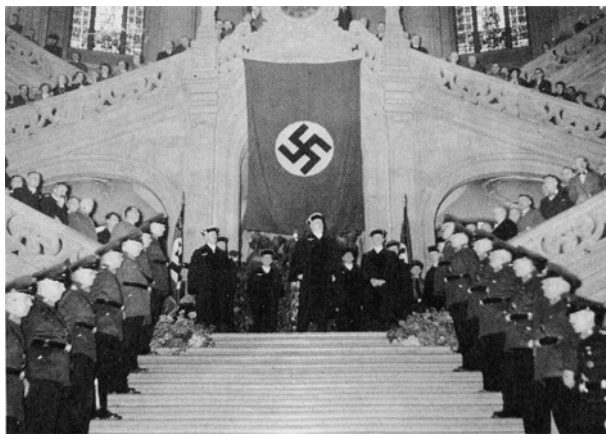
** Ханс Франк (1900-1946) – видный деятель нацистской партии, президент Академии немецкого права, некоторое время – министр юстиции нацистской Германии. – *Прим. ред.*

негерманской жизни и чувства пространства, оно должно в своем внятном стилевом строе соответствовать грандиозным строениям Третьего рейха...»²⁴.

Иллюстрация 8. Вестибюль суда Райхеншпергельплатц (сегодняшнее состояние)

Иллюстрация 9. Уголовный суд Моабит, лестничный пролет (праздник по поводу возложения «символов государственной власти» на мантии судей)

Соответствие внутренней и внешней архитектуры права должно было восприниматься как национал-социалистический «чистый стиль» не только на фотографии моабитской лестницы, но и в самих строениях. Оплотом нового правосознания призван был стать в первую очередь Дом немецкого права. Президент Академии немецкого права так описывал замысел: «Проект Дома немецкого права, олицетворяет не только центр государственного права (Reichsrechtsführung) немецкого народа. По этому поводу фюрер уже выразил мне свое одобрение, – писал Ганс Франк. В соответствии с высказанным фюрером принципом, по которому великие исторические эпохи представляют себя в великих строениях, для немецкой правовой жизни будет создано монументальное центральное сооружение. Оно будет гордостью блюстителей права, и мы надеемся, станет постоянно и с честью используемым оплотом правосознания у будущих поколений»²⁵.

Как показывает Дом немецкого права, в монументальных фантазмагориях национал-социалистического господства само право также имело второстепенное значение, поскольку из-за структурных оснований харизматического господства, оно, в конечном счете, пребывало во *враждебном праву* климате.

²⁴ Frank Hans. Der Schulungsbrief 1939 // Bundesminister der Justiz (Hrsg.). Im Namen des deutschen Volkes. Justiz und Nationalsozialismus, Katalog zur Ausstellung. Köln, 1989. S. 110.

²⁵ Frank Hans // Zeitschrift der Akademie für Deutsches Recht. №3. 1936. S. 1.

III. О функции постоянства и значимости старых судебных строений

Итак, мы бегло рассмотрели организационную культуру «суд» (в терминологии Эдгара Шайна²⁶) «на уровне явления». Надеемся, что это позволило нам прежде всего зафиксировать некоторые точки зрения на судебную архитектуру и проблемы ее истолкования.

Но объект «судебные строения» привлек нас изначально совсем иным. Вопрос заключается в том, должны ли мы, чтобы понять способ функционирования права, учитывать материально-пространственный аспект судопроизводства не как независимую физическую «окружающую среду» права, а как *интегрированную составную часть* правопорядка. Когда человек видит омерзительные кабинеты, стесненные условия, пыль на папках, и перед его глазами предстает патина желтизны на правовой культуре, то роль судебных строений вряд ли будет казаться важной при решении еще не разгаданной загадки социологии права: как, собственно, должна объясняться *значимость* [действующего] права.

Пьер Бурдьё в исследовании о «force du droit» (силе права) недвусмысленно придавал особое значение именно демонстрационным аспектам права²⁷. Подобно тому, как сложно, в том числе и методически, оценить этот эффект «производства впечатления», убеждение, что право требует «достойного» окружения, относится к собственной теории юристов о достоинстве права.

Мне же кажется стоящей обдумывания совершенно другая функция судебных строений, которая на первый взгляд не заметна. Следуя нашей модели нормативной структуры судебных построек как объекта объяснения, в «окаменевшей правовой культуре» шаг за шагом должны быть найдены изменения процессуального порядка в контексте изменяющейся правовой системы.

Однако похоже, что новые судебные постройки в большей степени обусловлены потребностью в помещениях, а не нормативными изменениями, хотя для концепции помещения все больше подчеркивается важность организации труда, т.е. коммуникативности и «корпоративной идентичности»²⁸. И тем более поражает удивительное постоянство судебных построек, которые воплотили в себе как кайзеровский рейх, так и Веймарскую республику и национал-социалистическое не-право, что ясно видно на примере суда первой инстанции Моабит.

Это наводит на мысль о том, что чтобы считать судебную архитектуру не только местом разъяснения вопросов действия права, но и символом постоянства правовой системы, значимость которой основана на возможности – как представляется – любых изменений права²⁹. Поэтому старые судебные здания оказываются также *музеями права*, в которых *идея права*, несмотря на все изменения и колебания в результате его превращения в позитивное сохраняется*.

Итак, если интерпретировать судебные постройки как самостоятельные носители значения, то отсюда уже недалеко до идеи перенести на новые такие постройки притязание на важность и двойное кодирование архитектуры, как это обсуждается в постмодерне. Почему бы не восстановить копии вильгельмовского необарокко и неоготики в расчетливом эклектизме постмодерна³⁰? Конечно, при этом подразумевалось бы, что в рейхе связь между правом и эстетикой или ироничное отношение к истокам права были мыслимы.

²⁶ См.: Schein Edgar. Organizational Culture and Leadership. San Francisco/Washington/London, 1985.

²⁷ См.: Bourdieu Pierre. La force du droit. Éléments pour une sociologie du champ juridique // Actes de la recherche en sciences sociales. № 64. 1986. P. 3-19

²⁸ Ср.: Исследовательский отчет об организации судов по административным делам/по финансовым делам АО Экономического консалтинга Вибера (сделанный по заданию Федерального министерства юстиции).

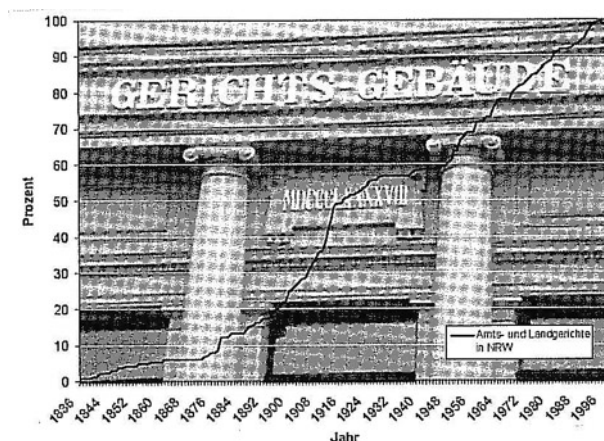
²⁹ Об этой идее действия права см. в особенности Luhmann Niklas. Rechtssoziologie, 2 Bde. Reinbek bei Hamburg, 1972.

* Превращение права в позитивное – это явственная зависимость всех его положений и изменений от решения законодателя (так, в частности, трактовал это Н. Луман). – Прим. ред.

³⁰ См. статьи Умберто Эко, Роберта Вентури и Чарльза Йенкса в: Wolfgang Welsch (Hrsg.). Wege aus der Moderne. Schlüsseltexte der Postmoderne-Diskussion. Weinheim, 1988.

Открытое в 1981 году в Кельне высотное судебное здание на Люксембургской улице в любом случае свободно от выкрутасов постмодернизма. На это указывают встроенные шкафы в бюро, встроенные и символически важные умывальники, ковролин, по которому мы ступаем³¹. Снова поднимается вопрос о соответствии значения суда и его оформления. Это зафиксировано в описании постройки: «Залы оформлены в соответствии с их значением, обычно фронтальная стена обита деревянными панелями, а остальные – текстилем. Потолок и освещение также рассчитаны исходя из функции и значения зала»³². Как указывает тот же автор здание снаружи должно являть собой не только функциональную, но и «значительную архитектуру», что прежде всего приписывается французской архитектурной традиции. В качестве архитектурного императива сформулировано следующее: «...Здание должно выглядеть как суд, демонстрировать достоинство и не действовать устрашающе»³³. Эта претензия столь же похвальна, сколь и непонятно ее воплощение, ведь 23-этажное офисное здание окончательно оторвано от традиций судебных строений. И даже если эта новая архитектура юстиции с 34940 кв.м полезной площади, 48-ю судебными залами и 398-ю бюро, в свою очередь, задумывалась создателями как «монумент права», то было бы хорошо рассмотреть ее и как символ «юридификации» (*Verrechtlichung*), «процессуального потопа» и «наплыва дел», соответствовать чему, как считается, можно исключительно средствами высотной архитектуры.

Насколько тезис о «юридификации» выдержит эмпирическую проверку, вопрос спорный. Любопытно, что в методическом аспекте еще не использован инструмент, применение которого, на наш взгляд, теперь просто напрашивается. Мы говорим о возведении судебных строений как об объективном индикаторе изменений в правосудии. Первая оценка данных, любезно предоставленных Министерством юстиции земли Северный Рейн-Вестфалия, выявляет следующую картину развития судов первой инстанции и земельных судов:

Иллюстрация 10. Суды первой инстанции и земельные суды земли Северный Рейн--Вестфалия. Суммированная частота (%) по году возведения постройки.

Количественный анализ судебных строений «окаменевшей правовой культуры» кажется мне плодотворным и для *сравнительных исследований*, если есть желание интерпретировать привычные картины грандиозных судебных строений в Бельгии и во Франции, выходя за пределы того, что наблюдается на уровне явления³⁴.

Тогда можно было бы мобилизовать социологические методы мышления автора, чья социологическая позиция вплоть до последних закоулков его теоретического строения,

³¹ *Hallauer Fridolin*. Der Neubau der Justizbehörden in Köln 1977-1981 // *Justitia Coloniensis*. Landgericht und Amtsgericht Köln erzählen ihre Geschichte(n) / Hrsg. von Adolf Klein und Günter Rennen. Köln, 1981. S. 325-345, 334.

³² *Ibid.*, S.334.

³³ *Ibid.*, S.338.

³⁴ Основанием для этого является уже упомянутое исследование Петера Ландау: *Landau Peter*. Reichjustizgesetze und Justizpaläste, a.a.O

принимающего формы лабиринта, несет отпечаток юридической субкультуры: я имею в виду Макса Вебера.

Это сделало видимым и следующий парадокс: право, согласно Веберу, в высшей степени формально-«рациональное», администрируется в постройках, перегруженных символами и кичащихся властью, эклектичных и монументально-помпезных по стилю, т.е. представляющих именно ту форму строений, которую Макс Вебер в своем докладе «Наука как призвание и профессия» находил невыносимой: «Если мы попытаемся насильственно привить вкус к монументальному искусству и "изобретем" его, то появится нечто столь же жалкое и безобразное, как то, что мы видели во многих памятниках последнего десятилетия»³⁵. Должны ли мы разделять оценку Макса Вебера, или сегодня для нас важнее музейный характер судебной архитектуры – это совершенно другой вопрос.

*Перевод с немецкого Веры Гиряевой
Под редакцией А.Ф. Филиппова*

---

³⁵ Weber Max. Wissenschaft als Beruf // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1973. S. 582-613, 612. Цитируется по изданию: *Макс Вебер. Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С.707-735. Перевод: А.Ф. Филиппов, П.П. Гайденок.